

— Смотрю, смотрю! — Юэ Чжоу, растерянная от такого внимания, подбежала к Гу Лянвэй.

Подойдя ближе, она почувствовала холодное дыхание меча. Осторожно протянула руку и коснулась лезвия. Узкое лезвие было ледяным, и пальцы Юэ Чжоу невольно задрожали.

— Этому мечу из чёрной меди сколько лет? — не отрывая взгляда от меча, Юэ Чжоу задумчиво произнесла. — Наверное, больше ста лет.

Гу Лянвэй удивилась, что Юэ Чжоу так точно угадала:

— Да, больше ста лет. Его выковали в эпоху Республики. Как ты догадалась?

— Это дерево хуа-ли является охраняемым видом, поэтому меч не мог быть сделан в последние десятилетия. Рукоять меча проста, украшена только двумя спиральными узорами. Такие спирали были популярны в период Воюющих царств, но сейчас они не используются. Сто лет назад люди были менее изобретательны в дизайне и просто копировали старые стили. Поэтому этому мечу не меньше ста лет, — Юэ Чжоу не хвасталась.

Она была поглощена изучением меча и, забыв о страхе, с горящими глазами посмотрела на Гу Лянвэй.

— Отпусти, дай мне рассмотреть его поближе.

— Ты сказала, что спирали на рукояти были популярны в период Воюющих царств. Почему ты не думаешь, что это меч того времени? — Гу Лянвэй, заинтересованная, моргнула и спросила.

Юэ Чжоу с лёгкой долей раздражения посмотрела на неё:

— Каждый предмет имеет свою жизнь, особенно древние артефакты. Чем дольше он существует, тем больше в нём ощущается тяжесть истории. Эту историческую глубину невозможно подделать. Лезвие меча тяжёлое, и обычно оно отливается вместе с рукоятью, иначе рукоять не выдержит вес. Твой меч, хотя и имеет рукоять из хуа-ли, вероятно, внутри полый, заполнен свинцом для утяжеления и ртутью для защиты от гниения. Иначе лезвие давно бы отделилось от рукояти. Мастер, выковавший этот меч, был очень искусен, чтобы так хорошо соединить чёрный металл и дерево. Но дерево и металл — разные материалы, и даже при идеальном уходе рукоять продержится не больше ста лет. Через несколько лет этот меч можно будет использовать только как украшение. Если попытаться им размахивать, лезвие отделиться от рукояти. Однако, хотя этот меч и является копией стиля Воюющих царств, я впервые вижу, чтобы рукоять из хуа-ли так хорошо сочеталась с чёрным металлом. И для меча, выкованного в эпоху Республики, он сохранился удивительно хорошо. Это фамильная реликвия вашей семьи?

Гу Лянвэй посмотрела на Юэ Чжоу и покачала головой:

— Наша фамильная реликвия — не это.

— Дай мне меч, я хочу рассмотреть его внимательнее, — сказала Юэ Чжоу.

Гу Лянвэй с удивлением посмотрела на неё и великодушно согласилась:

— Хорошо, но будь осторожна, он тяжёлый.

Юэ Чжоу и без предупреждения отнеслась бы к мечу с осторожностью. Она протянула руки,

чтобы взять его, но, несмотря на готовность, вес меча оказался неожиданным. Меч опустился в её руки, и Юэ Чжоу едва не упала. Она чуть не уронила меч на землю, и сердце её сжалось от ужаса. Если бы меч упал, рукоять из хуа-ли отделилась бы от лезвия! Если бы она повредила такую ценную вещь, стала бы настоящим преступником! Да и не смогла бы компенсировать ущерб!

Гу Лянвэй, среагировав мгновенно, подцепила меч ногой и ловко подняла его, держа за рукоять.

— Ты не поранилась? — спросила она.

Юэ Чжоу осмотрела свои руки и покачала головой, не зная, как реагировать на заботу Гу Лянвэй. Она ведь обещала Сюй Гуанчуаню не верить ей и не сближаться.

— Ещё смотреть? — спросила Гу Лянвэй.

Юэ Чжоу, испуганная, покачала головой:

— Нет.

Гу Лянвэй взяла ножны, лежащие у дерева османтуса, и вложила меч обратно.

Юэ Чжоу, видя, как легко Гу Лянвэй обращается с мечом, поняла, что та долго тренировалась. Ей стало немного завидно. Она вспомнила, что, касаясь рукояти, почувствовала не только спираль, но и что-то похожее на иероглифы... Но она не решилась попросить Гу Лянвэй снова показать меч.

Ворота тихо постучали, и снаружи раздался детский голос:

— Сестра Гу, ты дома?

Это были те самые дети.

Гу Лянвэй улыбнулась, положила меч на лежак и подошла к воротам. Присев, она погладила детей по головам и спросила:

— Хотите мёда из османтуса?

Дети энергично закивали.

Гу Лянвэй обошла Стену духов, подошла к дереву османтуса, встала на цыпочки и сорвала две веточки с самыми низкими цветами. Убедившись, что на них нет пчёл, она отдала веточки детям. Те, с радостью взяв их, начали разминать цветы и есть. Гу Лянвэй снова погладила их по головам, а когда дети убежали, закрыла ворота и вернулась во двор. Юэ Чжоу стояла, смотря на дерево османтуса, как будто хотела сорвать веточку.

Гу Лянвэй, заметив её колебания, сорвала веточку и протянула ей:

— Мёд из османтуса очень сладкий. Ты ведь так не пробовала?

Юэ Чжоу действительно никогда не ела его в таком виде. Она взяла веточку и спросила:

— Как это есть?

Гу Лянвэй отщипнула лепесток и положила его в рот. Юэ Чжоу хотела повторить, но, только отщипнув лепесток, почувствовала, как с дерева посыпались цветы. Подняв голову, она увидела, что чёрная кошка, катаясь по ветке, стряхнула несколько цветков. Гу Лянвэй улыбнулась, присела, собрала несколько чистых цветков и, встав, сняла с волос Юэ Чжоу упавший цветок и вставила его ей за ухо.

Кошка, спрыгнув с дерева, использовала плечо Юэ Чжоу как опору. Та, почувствовав тяжесть, очнулась от своих мыслей и обернулась, но Гу Лянвэй уже ушла в дом.

Юэ Чжоу, задумчиво трогая цветок за ухом, вдруг вспомнила маленький цветок, который видела в переулке. Она посмотрела на веточку в руке. Аромат османтуса был сладким, а цветы — прозрачными. Казалось, они были даже красивее, чем тот цветок.

Юэ Чжоу положила лепесток на язык, слегка прикусила его и почувствовала сначала терпкость, а затем сладкий аромат.

Это действительно было очень сладко.

Гу Лянвэй убрала посуду и приготовила комнату для гостей Сюй Гуанчуаню. Она делала всё молча. Юэ Чжоу, решив помочь, обнаружила, что всё уже сделано. Хотя Гу Лянвэй всё ещё ненавидела Сюй Гуанчуаня и говорила с ним с сарказмом, в мелочах она не создавала проблем, за что Юэ Чжоу была ей благодарна. Иначе, оказавшись в деревне Учжуан и узнав о другой стороне своего наставника, Юэ Чжоу не знала бы, как себя вести. Ей некуда было идти, и она не могла оставить Сюй Гуанчуаня одного.

Юэ Чжоу понимала, что человеческая природа сложна и изменчива. Никто не может быть всегда положительным. Например, она, хотя и презирала манеры Се Чунь, иногда завидовала ей, видя, как та наслаждается вниманием парней. Она завидовала её удаче, её происхождению, её красоте и даже желала увидеть, как Се Чунь потеряет всё это. Эти негативные эмоции длились недолго, и потом Юэ Чжоу сама себя осуждала. Это была человеческая природа, и никто не мог её избежать. Но Юэ Чжоу не ожидала, что другая сторона Сюй Гуанчуаня окажется такой... пугающей.

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16246/1460875>